

УДК 009

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.05

Русистика в США: опыт прошлого и проблемы настоящего

Юрий Иванович НАДТОЧЕЙ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Отдела Европы и Америки

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ynadtochey@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8725-6495

ЦИТИРОВАНИЕ: Надточей Ю.И. Русистика в США: опыт прошлого и проблемы настоящего // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 72–93.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.05

Статья поступила в редакцию 23.09.2023.

Исправленный текст представлен 27.11.2023.

АННОТАЦИЯ. Конституирование русистики как дисциплины и ее развитие продолжают уже более ста лет. Американская общественно-политическая и страноведческая мысль продолжает исследовать различные аспекты российской действительности. В статье описываются история возникновения русистики в США, ее методологические особенности, дается авторская периодизация с выделением этапов развития дисциплины за последний век. Отмечается, что она представляет собой междисциплинарную сферу научной деятельности, которая объединяет в себе знания из разных областей общественных и гуманитарных наук. Рассматривается проблема выделения предметного поля дисциплины, формирования исследовательских подходов к изучению России в конкретных исторических условиях второй половины XX в.; уделяется внимание проблеме развития научных и экспертных кадров – специалистов-русистов и советологов. В статье постулируется тезис о при-

кладном политико-идеологическом и политико-технологическом значении советологии. Отмечается, что она стала важным идейным фактором, влияющим на формирование общественного мнения и на процесс принятия политических решений элитами США в годы холодной войны. Определяются вызовы и перспективы развития политологических направлений русистики в настоящее время. Основной фокус сделан на современном состоянии «россиеведческих исследований», их концептуально-теоретическом, эмпирическом и идеологическом наполнении в условиях изменения направления общественного дискурса о России внутри США и резкого ухудшения российско-американских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русистика и россиеведение, советология, постсоветские и посткоммунистические исследования, российско-американские отношения, холодная война, транзитология, сравнительные исследования, регионоведение, научные обмены.

Введение

В течение многих десятилетий XX столетия американское научное сообщество проявляло высокую степень заинтересованности во всестороннем изучении России как государства. Какую бы пространственную форму оно ни принимало (Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация) и какой бы политический режим в нем ни преобладал, этот интерес не только не угасал, но и усиливался. Подобное положение вещей объяснялось самым особым статусом России на международной арене, ее геополитической значимостью, величиной и, как следствие, возможностями влиять на внешний мир и на сами Соединённые Штаты – главного оппонента Москвы на протяжении большей части минувшего века.

Современные исследования России (русистика или россиеведение) воплощают в себе разнообразие исследовательских методологий и теоретических подходов, каждый из которых способствует комплексному пониманию сложностей России как объекта изучения. Специалисты-русисты работают в почти безграничном исследовательском пространстве, анализируя широкий спектр тем, включая внешнюю политику России, внутренние социально-политические процессы, экономические тенденции, культурно-исторические феномены. Междисциплинарная природа этой области знаний является ее сильной стороной, так как позволяет исследовать научный объект (в данном случае страну) с разных позиций, что несомненно приводит исследователей к разным интерпретациям как исторических, так и современных российских реалий. Концептуальные взгляды американских русистов хорошо отрефлексированы российскими и постсоветскими авторами в издан-

ных за последние два десятилетия научных публикациях [Большакова, 2013; Soviet Studies..., 2016; Кодин, 2003; Лантева, 2004; Меньковский, 2000; Шабасова, 2008], учебных пособиях и лекционных курсах [Безбородов, 2015; Некрасов, 2000; Петров, 2008]. В то же время наблюдается некоторый дефицит работ, посвященных самым последним тенденциям развития россиеведческих исследований в США, прослеживается недостаток внимания к их современному состоянию, новой волне «идеологизации» русистики в общественно-политическом дискурсе. Эта лакуна объясняется тем, что рассматриваемая дисциплина, как представляется, всё еще продолжает выполнять двоякую функцию: с одной стороны, она была и остается специализированной академической сферой, с другой – это важный идейный фактор, влияющий на формирование общественного мнения в США и на процесс принятия важных решений американскими элитами. Знание о России – это и эмпирическое знание, и политический дискурс одновременно. Устанавливая диалектическую взаимосвязь между ними, настоящая статья освещает основные вехи становления русистики, определяет ее место и роль в американском обществоведении в исторической ретроспективе и в современных условиях, особенно с учетом нарастающих российско-американских противоречий.

Проблемы периодизации

Траектория развития американской русистики никогда не была прямой. Скорее, она напоминала извилистую дорогу, где каждый поворот был по-своему уникальным, с присущими только ему особенностями и отличиями. В целях лучшего понимания процесса становления дисциплины представляется целесообразным разбить

этот витиеватый путь на условные отрезки (периоды), каждый из которых отражает специфику конкретного момента, в котором она развивалась. Хотя в вопросе о начальных истоках и периодизации русистики единства среди исследователей не наблюдается [Ершов, 2006; Некрасов, 2000], с некоторой долей допущений и условностей полагаем, что таких отрезков можно выделить по меньшей мере четыре: **начальный, активизационный, основной и современный**.

Первый длился примерно с начала 1920-х по конец 1930-х годов. Он по праву может считаться эмбриональным временем и временем младенчества русистики как нового ответвления в американском страноведении, отчасти отпочковавшегося от европейстики, а частично – от исследований стран и народов Азии, причем с последней Россия связывалась даже в большей мере¹. В то же время, когда за окончанием Первой мировой войны последовали революционные потрясения, сломившие привычный ход развития царской России, ее истории и государственности, интерес к россиеведческой проблематике со стороны научной общественности США заметно возрос. Возникновение на осколках Российской империи первой в мире социалистической республики, ее планомерное усиление в связи с появлением на карте мира крупнейшего государства – СССР – не могло остаться незамеченным в американских академических кругах 1920-х годов [Трибунский, 2021]. Тем не менее это касалось лишь небольшой их части, так как изучение России ассоциировалось с некоторой маргинальностью и даже экзотичностью. Русистика

всё еще оставалась уделом любителей из университетской среды (по большей части историков и филологов), в дела которых до поры до времени не вмешивалась политика, а сами они могли не опасаться каких-либо ограничений для творческого поиска. Неслучайно, что один из ведущих популяризаторов русистики и славистики, профессор А. Кулидж из Гарвардского университета, выступал против создания профессиональных сообществ, способных содействовать институализации и, как следствие, «нормативизации» этих дисциплин [Зенкевич, 2016]. Предполагалось, что изучение России не должно обретать формы проектной деятельности «на заказ» и под финансирование, оставаясь увлечением для энтузиастов на частные средства.

Десятилетие 1930-х годов изменило общий тренд в развитии советско-американских контактов. Установление между Москвой и Вашингтоном дипломатических отношений и нарастающие объемы внешнеторговых связей между ними повысили интерес к Советскому Союзу как со стороны американского государства, так и со стороны бизнеса. Активизировались и академики, учредив в 1938 г. в недрах Американского совета изучаемых обществ (ACLS) Славянский комитет, ставший фактически первой профессиональной организацией славистов и русистов. С началом Второй мировой войны, формированием антигитлеровской коалиции и запуском программ ленд-лиза этот запрос приобрел еще более выраженные черты, ознаменовав собой второй и, пожалуй, наиболее короткий этап развития русистики. Он характеризовался ее прикладной направленностью и из-

1 Это обстоятельство нашло свой отклик еще в работах Дж. Кеннана, совершившего длительную экспедицию по Сибири в 1865–1867 гг. Она дала первые достаточно разрозненные и академически неосмысленные материалы (в основном мемуарно-публицистического характера) о жизни в Российской империи, где подчеркивались ее отличия от западной цивилизации.

бирательностью, а также появлением соответствующего «госзаказа сверху». Подготовка политических и военных аналитиков, специалистов со знанием русского языка стала государственным приоритетом, а некоторые американские учебные заведения начали спешно внедрять в свои программы соответствующую языковую и страноведческую подготовку кадров для армии, флота, разведки, госаппаратов различных ведомств и служб [Harris, 1997].

После капитуляции Германии и Японии в 1945 г. исследования России вступили в третий – самый продолжительный и самый продуктивный – этап своего развития. Послевоенная русистика пережила настоящую трансформацию, превратившись из прикладной сферы деятельности, призванной закрыть сиюминутные потребности государства в чрезвычайных военных условиях, в развитую область научного и экспертного знания с широкой системой исследовательских центров, научных журналов и профессиональных сообществ. Формировался широкий запрос на изучение комплекса проблем функционирования советской системы в преломлении к американским национальным и корпоративным интересам. Послевоенная американская русистика в какой-то мере оказалась в уникальном положении, сравнимом разве что с экспериментом в идеальных лабораторных условиях. 1950-е и 1960-е годы стали временем ее расцвета, чему способствовала не только начавшаяся холодная война Запада с СССР и советским блоком, но и бурное развитие социальных наук, внесших свою лепту в многогранную область русистики, а затем и новой дисциплины – советологии. Помимо этого, и само американское общество и в особенности академическое сообщество становились всё более открытыми внешнему миру, устанавливая всё больше научных кон-

тактов с зарубежными странами, включая даже «враждебный» СССР.

Кризисные 1970-е годы в США с их финансовыми проблемами, войной во Вьетнаме, а затем и начавшейся политикой «разрядки» между Востоком и Западом хотя и несколько охладил общий интерес к русистическим исследованиям, но не поколебали их научную основу, обретшую к тому времени необходимую прочность и гибкость. К началу 1980-х годов, ставших последним для СССР десятилетием, запрос на исследования советского государства и общества проявился с новой силой. При этом вначале такой интерес был обусловлен новым витком холодной войны и обострением советско-американской конфронтации, однако с началом перестройки его содержание плавно сместилось в плоскость изучения новых тенденций в советской идеологии, всё меньше напоминавшей ортодоксальный марксизм-ленинизм – идеологический фундамент СССР.

Распад мировой социалистической системы, а затем и самого Советского Союза положили начало четвертому – современному – периоду существования русистики, наименее определенному с точки зрения ее дальнейших перспектив. С пьедестала «главной угрозы» национальной безопасности Россию потеснили другие противники США – как мнимые, так и вполне реальные. Москва же официально помещалась в категорию (пусть и с определенными оговорками) региональных стран – партнеров США, хотя и весьма «трудных». Как следствие, проблемы финансирования, падение интереса к результатам работы специалистов по России со стороны истеблишмента и широкой публики начиная с 1990-х годов стали неизменными спутниками русистики (по крайней мере, ее политической компоненты). В таких непростых условиях русистике пришлось вновь доказывать

свою живучесть в качестве научно-теоретической и практической сферы исследований с широчайшей предметной областью.

Предметное поле без границ

Для американских специалистов по России подобные поиски не были чем-то новым. В конце концов, вопрос об академическом статусе русистики как дисциплины, определении ее предмета и метода оставался нерешенным, пожалуй, с момента зарождения этой области знания. Как и в случае с любыми другими страноведческими и регионоведческими дисциплинами, ее предметное пространство не обладало постоянными границами и протяженностью. Это обстоятельство давало возможности для включения в ее исследовательское поле всё новых проблем и формировало потенциал для анализа новых феноменов, которые могли исследоваться только представителями разных социальных и гуманитарных наук. Подобная междисциплинарность, а вернее, даже многодисциплинарность, испытывала на прочность научные позиции русистики и самих русистов, сталкивавшихся с различными препятствиями в своих исследованиях, начиная от критики со стороны позитивистских подходов в обществоведении и заканчивая влиянием политико-идеологических факторов. Наглядным тому подтверждением стала советология, выделившаяся из русистических исследований в послевоенные годы и ставшая главной «политологической компонентой» русистики на несколько десятилетий.

Времена советско-американской конфронтации, особенно на ранних ее этапах (с конца 1940-х по начало 1960-х годов), совпали с витком модернистской революции в политологии и международных отношениях, поста-

вивших под сомнение строгую научность страноведения и регионоведения. Последние, являясь по своей сути дисциплинами больше гуманитарными, делали акцент на частных особенностях изучаемого объекта (страны, общества) с присущими ему уникальными социокультурными характеристиками, что встречало непонимание со стороны обществоведов (экономистов, социологов, политологов, юристов), настаивавших на универсальности социальных закономерностей и объяснявших действия социальных субъектов с позиций рационального выбора. В этом плане выделение самостоятельной области советологии имело смысл только в том случае, если она рассматривалась бы как сравнительная дисциплина, а за точку отсчета для сравнений принимался бы некий эталон «нормального» (то есть рационального) государства и общества, с которым бы сравнивался СССР [Shlapentokh, 1995]. Очевидно, что принятие в качестве такого образца США или других англо-саксонских капиталистических стран выводило советскую модель развития за рамки такой «нормальности», поскольку принципы, на которых она основывалась, были совершенно иными.

Другим препятствием для сравнительных исследований выступала традиционная проблема общественных дисциплин, где субъект и объект состоят в сложной диалектической связи, оказывают воздействие на друг на друга и постоянно изменяются. Говоря научным языком, онтология и эпистемология пытались «шагать в ногу», что и отражалось на результатах исследовательской работы. Подвижность объекта исследования советской системы как таковой, ее склонность к трансформации способствовали тому, что круг явлений и процессов советской действительности, изучаемых американскими учеными, также менялся и содержательно,

и пространственно. Происходило это под влиянием множества факторов и перипетий международной и внутриполитической ситуаций как в СССР, так и в США. Все эти обстоятельства меняли ценностные ориентиры самих американских русистов и советологов, смещали не только содержание их научных интересов, но и акценты на тех или иных гранях изучаемого предмета. И если в 1950-е и 1960-е годы в фокусе внимания американских политологов, социологов или историков находился «советский тоталитаризм», а советская система рассматривалась как явное отклонение от политической «нормы» (западной демократии), то к 1970-м экспертно-научное сообщество США стало менее категоричным: активизировались группы ученых-ревизионистов, поставивших под сомнение антикоммунистический догматизм ранней холодной войны и признавших возможность трансформации советского социализма из аномалии в нормальную политическую систему [Hough, Fainsod, 1979; Fitzpatrick, 2008; Cohen, 1985]. Последователи теории конвергенции допускали подобную трансформацию советской системы, выдвигая аргументы в пользу «сближения» капитализма и социализма как двух альтернативных путей, ведущих к модернизации [Zweynert, 2019].

Более того, советология делала всё более уверенные шаги в сторону сравнительного анализа не только «социализма с капитализмом», но и социализма с социализмом», так как круг стран, именующих себя социалистическими, в послевоенные годы неуклонно расширялся [Kautsky, 1998]. Как следствие, для большего аналитического покрытия мириады социалистических государств, безотносительно их географии и национального состава, рамки советологии также пришлось расширить до сравнительных коммунистиче-

ских исследований (*communist studies*), предметное поле которых оказалось еще более размытым [Tucker, 1967; Unger, 1998]. Причем происходило это не только вследствие «экспорта советской модели» за рубеж, но и по причине сознательного выбора социалистического (или близкого к нему) пути целой группой развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки после их деколонизации или освобождения от иных форм политической зависимости. Последние быть предметом славистики или русистики попросту не могли, а советология концентрировалась на изучении особенностей функционирования системы власти в самом СССР, зачастую обходя стороной другие страны реального (или не очень) социализма. К тому же и сама советология, концентрирующаяся преимущественно на изучении советского государства и общества как целостного объекта, часто игнорировала его региональные особенности, в том числе национальный фактор политической жизни в отдельных республиках СССР [Motyl, 1994].

Финальная точка в споре о предмете советологии не была поставлена даже после распада Союза и мировой системы социализма. Хотя исчезновение самого объекта исследования автоматически должно было привести к ликвидации и предмета, на практике этого не произошло [Beyond..., 1995]. Дезинтеграция Советского Союза действительно стала ощутимым ударом по развитой академической инфраструктуре российских исследований, но их научный корпус в целом сохранился. Онтологический кризис советологии расколол сообщество бывших советологов на две основные условные группы – скептиков и продолжателей. Первая группа предпочла отказаться от специфических советологических исследований и вернуться к своим

базовым дисциплинам (экономике, социологии, политологии и юриспруденции). Сюда же вошли многочисленные русисты-гуманитарии (историки, философы, филологи, культурологи), долгое время вынужденные мириться с избыточной политизацией всего, что было связано с Россией и ее социокультурными реалиями. Междисциплинарный диалог между этой группой ученых и обществоведами (особенно между историками и политологами) существенно сократился [Hanson, 2003].

Аргументация сторонников дальнейшего изучения того, что ранее представляло собой Советский Союз, не была лишена оснований: в конечном счете республики бывшего СССР стали на путь капитализма и демократии и теперь могли изучаться в рамках общих социальных наук или более узких дисциплин вроде транзитологии [Markwick, 1996]. Другая часть исследователей продолжила работу в прежнем исследовательском поле, переименованном в постсоветские или посткоммунистические исследования. Мотивация этой группы бывших советологов также объяснялась довольно просто: СССР исчез только как политическая реальность, но не как физическая величина. На обширном пространстве бывшей сверхдержавы, отныне состоящем из отдельных государств, возникло множество новых проблем – от локальных конфликтов до гипотетических угроз распространения ядерного оружия, которые явно шли вразрез с долгосрочными интересами США и их союзников в Европе и Азии. Более того, экономическая глобализация, которая, по идее, должна была «стереть» не только национальные границы, но и отличия между различными социумами, не привела ни к чему подобному в бывших советских республиках. Как ни парадоксально, но в едином политическом теле СССР они были более

однородны, нежели после его распада. Дезинтеграция этого тела на отдельные члены привела народы СССР к большей социально-политической разнородности, внутренней и внешней поляризации. Бывшие республики становились всё меньше похожи не только друг на друга, но и на западный мир, ценности которого, как ранее считалось, они воспримут едва ли не безоговорочно. На практике же они ориентировались не столько на западный либерализм, сколько на различные формы местного национализма, маскируемого под демократические системы западного образца [Postcommunism..., 2002]. Это обстоятельство требовало от ученых и экспертов новых работ как прикладной, так и более фундаментальной направленности, даже несмотря на снижение интереса к России и странам СНГ во властных кабинетах Вашингтона. Сравнительные теории посткоммунизма (*comparative post-communist studies*) с их упором на проблемы нациестроительства, конструирования государственности могли здесь стать более продуктивными и многообещающими, нежели различные западные теории демократизации и политического транзита [Sakwa, 1999].

От русистов к советологам и обратно

Вторым по значимости после вопроса о предметном поле русистики и о том, «что она изучает», всегда стоял вопрос о том, «кто изучает», то есть о самих исследователях. Памятуя простую истину, что «без ученых нет и науки», пионеры русистики еще на заре ее формирования готовили соответствующую кадровую почву на будущее. Их успехи в этом деле не отличались постоянством, варьируясь от скромных достижений (в довоенные годы) до серьезных результатов (в послево-

енный период), что обуславливалось не только политической конъюнктурой, но и карьерными возможностями, которые открывались перед молодыми исследователями.

Как уже отмечалось, в межвоенное десятилетие (1919–1939 гг.) наблюдался определенный интерес к России в университетской среде, но он оставался преимущественно некой разновидностью научного подвижничества. Возможно, именно по этой причине русистика не получила столь широкого распространения в университетских учебных планах. Студенты, изучавшие историю и международные отношения, выбирали в качестве специализации более близкие по духу страны Западной Европы и соответствующие (менее сложные) европейские языки. Начинающие специалисты действовали весьма прагматично: их образование позволяло рассчитывать не только на научную карьеру, но и на дипломатическую. Возможности службы в американских посольствах в Париже, Берлине или Риме могли показаться молодым людям более привлекательными, нежели работа на аналогичных должностях в Москве или Ленинграде. В результате к началу холодной войны госдепартамент, военный департамент и другие ведомства США столкнулись с явной нехваткой специалистов по России. В 1948 г. новообразованное ЦРУ смогло нанять в качестве штатных аналитиков только 38 таких экспертов, причем только 12 из них владели русским языком, лишь у одного из них была ученая степень, а большинство из них никогда не были в России или СССР [Engerman, 2009]. Вторая мировая война отчасти могла решить эту проблему за счет притока эмигрировавших из Европы ученых (в том числе русскоговорящих), однако их доля в общем пуле исследователей и профессоров США была невелика. В довоенные годы в университетах

страны работали 17 видных историков – выходцев из России, подготовивших важные научные работы по ее истории [Raeff, 1990, p. 156–186], и тем не менее в целом кадровые резервы русистики оставались ограниченными. В числе «экспертов», консультирующих американские власти в вопросах о состоянии дел в СССР, попадались и библиотекари и даже гражданские инженеры, а для формирования прочной базы профессионалов требовались годы и значительные усилия [Engerman, 2009].

Учреждение специализированных научных организаций по России в ведущих университетах США, прежде всего Русского исследовательского центра (Гарвард) и Русского института (Колумбийский университет), должно было, с одной стороны, сформировать мощные исследовательские коллективы русистов-академистов, а с другой – укрепить связку между научным миром и миром большой политики. Такая задача ставила ученых в двусмысленное положение: от них требовалась и понятная политикам и чиновникам прикладная экспертиза, и фундаментальная глубина исследований, без которой таковая не могла возникнуть в принципе. К тому же университетским ученым по-прежнему приходилось думать о преемственности поколений, внедряя курсы по изучению России в учебные планы и заинтересовывая студентов и аспирантов. И если сначала эти усилия не давали сколь-нибудь ощутимого результата, то вскоре ситуация изменилась кардинальным образом. К 1957 г. – году запуска первого советского спутника – интерес к СССР и его достижениям в американском обществе существенно возрос. Как следствие, в студенческой среде всё большую популярность завоевывали русский язык, литература и культура, о чем также свидетельствовали впечатляющие цифры по числу полученных бакалаврских

степеней в области русистики. В 1957 г. их насчитывалось 107, а в 1964-м уже 446. Количество защищенных докторских диссертаций по различным аспектам русистики удваивалось дважды – в период с 1953 по 1965 г., а затем с 1965 по 1972 г. [Engerman, 2009]. Круг специализировавшихся на России исследовательских центров, где эти защиты происходили, также неуклонно расширялся. Началось формирование целых научных направлений и школ, со временем накопивших солидный кадровый потенциал и опиравшихся на щедрое многоканальное финансирование со стороны государства, бизнеса, пожертвований частных фондов. Русистика покинула пределы элитных университетов «Лиги плюща», прочно закрепилась и во многих региональных вузах Америки – университетах Мичигана, Индианы и Висконсина [American Teaching..., 1959].

Важнейшим индикатором выхода русистики/советологии из категории малоперспективных сфер деятельности и ее перехода в элитную область науки и экспертизы стало вовлечение в эту сферу наиболее амбициозных студентов и аспирантов. Советологическая стезя всё чаще становилась хорошим карьерным трамплином для метивших во власть молодых ученых и экспертов. Многие будущие американские политики и дипломаты – от З. Бжезинского и М. Олбрайт до К. Райс и М. Макфолла – начинали свою карьеру именно как специалисты-советологи. Те же, кто предпочитал оставаться в академических стенах, также могли рассчитывать на достойное будущее. Исследования в области советологии, как уже отмечалось выше, стали щедро финансироваться, так как эта область страноведения преследовала далеко идущие цели и своей живучестью была обязана не только своему многообещающему научному потенциалу, но и вполне при-

кладному функционалу. Даже оставаясь «чистыми учеными», специалисты по СССР могли работать «над смыслами», генерировать «правильные» нарративы и задавать дискурсы в среде американского политикума и широкой публики, формировать необходимые образы самовосприятия американского государства и общества. Советологи, таким образом, оказывались в более привилегированном положении, нежели другие ученые-страноведы и регионоведы.

Завершение холодной войны оказало на кадровый потенциал русистики двоякий эффект. С одной стороны, сообщество теперь уже бывших советологов столкнулось со вполне обоснованными опасениями за свое профессиональное будущее. Молодые регионоведы стали снова выбирать более перспективные, с их точки зрения, направления профессиональной деятельности – ближневосточные или азиатские исследования [Bonnell, Breslauer, 1998]. Заметно сократился спрос на изучение русского языка в американских университетах, о чем свидетельствовала статистика 1990-х годов. Если в 1968 г. его изучали 41 280 студентов, то в 1998 г. только 24 729 [Зенкевич, 2017].

В то же самое время неблагоприятная ситуация создавала стимулы для форсированной адаптации русистики к изменившимся геополитическим и экономическим реалиям. Она вступила в гонку за право быть востребованной дисциплиной в условиях более жесткой конкуренции на рынке академической науки, прикладной аналитики и образования. Снижение спроса на интеллектуальный продукт, производимый американскими русистами, не лишил их оптимизма, тем более что, несмотря на проблему ресурсного обеспечения, в целом материально-технические и организационные возможности, политическая

обстановка объективно благоприятствовали дальнейшему исследованию России. От распада СССР русистика в определенной степени даже выиграла: научный обмен между российскими и американскими академическими кругами только интенсифицировался, доступность работы с источниками (включая архивы) улучшилась, препятствий на пути исследователей со стороны властей и спецслужб, сопоставимых с теми, что имелись в советское время, стало значительно меньше. Короткая оттепель в отношениях Москвы и Вашингтона, сопровождавшая их на протяжении большей части 1990-х годов, способствовала беспрецедентной активизации самых разных научно-культурных обменных программ между вузами России и США. Высшие учебные заведения Америки не только «открыли двери» для российских студентов и преподавателей социальных наук, получивших ранее немислимые возможности учиться или работать в США, но и начали внедрять новые образовательные программы в области русистики с учетом новых политических и экономических реалий. Кроме того, наметился сдвиг и в содержании русистики, которая делала всё более уверенные шаги в сторону реального сектора экономики. Государство перестало быть главным работодателем для специалистов по России, а сама русистика плавно переместилась из сферы обслуживания

интересов органов власти в области, связанные с коммерцией или некоммерческим сектором. За 30 лет количество предлагаемых программ бакалавриата и магистратуры по направлению *Russian Studies* только увеличилось и, согласно данным на 2020 г., насчитывает 69². Общая же численность занятых в этой области специалистов составляет 172 тыс. чел.³ Большинство из них составляют работники сферы образования и науки, включая начальные и средние школы (11,8%), а также колледжи и университеты (10,9%). Остальные работают в других сферах экономики (преимущественно в частном секторе)⁴. Примечательно, что на государственной службе (включая гражданскую и военную) сегодня трудятся значительно меньше русистов, что резко контрастирует с временами холодной войны. Так, например, в вооруженных силах США таких специалистов насчитывается только около 1%, а в органах, отвечающих за сферу национальной безопасности и международных отношений, – чуть более 1,5%⁵.

Глобализация открыла перед американцами новые возможности для зарубежных поездок, в том числе в страны постсоветского пространства, откуда, в свою очередь, на Северо-Американский континент хлынул поток новых эмигрантов из бывшего СССР. Представители двух ранее мало знавших друг друга обществ встретились лицом

2 List of all Russian Studies colleges in the U.S. – URL: <https://www.universities.com/programs/russianstudies-degrees#list-schools> (дата обращения: 10.08.2023).

3 Data USA. Russian Studies. – URL: https://datausa.io/profile/cip/russian-studies#tmap_ind_num_emp (дата обращения: 10.08.2023).

4 Ibid.

5 Ibid. Такие данные отражают лишь общую картину сферы трудоустройства выпускников, в то время как более специализированная выборка по отдельным университетам может быть иной. В частности, согласно докладу о состоянии магистерских программ по русистике в США, подготовленному исследователями Э. Качинсом и Дж. Митчеллом для Корпорации Карнеги, приводятся другие данные по семи университетам – ведущим центрам преподавания русистики. Согласно им, в частном секторе заняты около 23% выпускников, в то время как в государственном – около 39%. См.: *Kuchins A. and Mitchell J. The State of M.A. Russia/Eurasia Programs in the United States. Report Prepared for the Carnegie Corporation // CERES. – 2020. – URL: <https://ceres.georgetown.edu/2020/06/09/the-carnegiereport-a-study-on-ma-russia-eurasia-programs-in-the-usa/> (дата обращения: 12.08.2023).*

к лицу, породив запрос уже на более широкие, а не узкоспециализированные, как прежде, страноведческие знания. Теперь перед американскими учеными, экспертами, политиками и бизнесменами открылась уникальная перспектива не только заглянуть внутрь ранее недоступных внешнему наблюдателю явлений и процессов жизни России, но и возможность воздействовать на них через различные формы экспертного или коммерческого консалтинга. Открытие новых совместных и чисто американских компаний в России, а равно и продолжение в ней рыночных реформ создали соответствующий кадровый запрос на зарубежных специалистов самого разного профиля. Некоторые из американских экспертов по экономике и политике России начали консультировать ее государственный сектор, другие же заняли места в советах директоров частных российских компаний⁶. Имена таких известных исследователей, как Дж. Сакс, А. Аслунд, К. Гэдди, Дж. Грей, стали прочно ассоциироваться с российским государством и бизнесом. И хотя некоторые советники были вовлечены в политические скандалы и коррупционные схемы⁷, а правительство далеко не всегда готово было следовать «рецептам» американских экспертов, в целом их опыт и знания всё же были отнюдь не бесполезны для становления молодого капитализма, политической системы и гражданского общества демократической России [Greene, 2006]. Американский опыт позволил внести в российскую реальность новые эко-

номические и менеджерские практики, принципы управления бизнесом и программы по реализации социально-значимых проектов (благотворительности и филантропии).

Русистика с Россией и без нее

Вступив в третье десятилетие XXI в., американская русистика достигла очередной исторической развилки. Приоритеты в исследовании конкретных стран и регионов вновь изменились, как и стоящие перед аналитиками задачи. Международное регионоведение как сфера научной деятельности вошло в полосу неопределенности. Специалисты фиксируют кризис регионоведческих исследований уже не первое десятилетие, отмечая ограниченность его методологических и праксеологических функций в условиях глобализации и унификации современного мира [Franzineti, 2015]. При этом важно, что идейная ориентация страноведческой аналитики в США теперь определяется больше внутривнутриполитическими, а не внешнеполитическими факторами, и русистика здесь не является исключением. Сегодня она являет собой не столько интеллектуальный ответ на внешний вызов, как прежде, сколько пространство для дискуссии по внутренним проблемам общественно-политической жизни самих США. Как и многие годы назад, она также подвержена влиянию политической конъюнктуры, возможно, даже в большей мере, чем во времена холодной войны с их четко заданной системой

6 Например, известный специалист по России, экс-сотрудница госдепартамента США, а затем и президент частной консалтинговой компании *TTG Global LLC* Т. Гатти исполняла обязанности члена совета директоров российской нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» с 2016 по 2023 год.

7 Наиболее известным случаем здесь является уголовное преследование властями США двух советников Госкомимущества России – А. Шлейфер и Дж. Хэя, обвиненных в коррупции в ходе российской приватизации. Суд постановил, что занимаясь бизнесом в России Шлейфер и Хэй не имели права. В 2005 г. суд приговорил Шлейфера к уплате штрафа в размере 28,5 млн долл., из которых 2 млн долл. выплатил сам обвиняемый, а остальные 26,5 млн – Гарвардский университет, профессором которого являлся Шлейфер.

телеологических и аксиологических координат. Тем не менее существенное отличие нынешнего состояния русистики от прошлого всё же можно определить: перечень ее задач и методологические подходы отражают состояние дел в американских социальных науках, а таковые еще как минимум с 1980-х годов находятся в своеобразном интеллектуальном плену «культурного поворота» и постмодернистской революции, пришедшей на смену революции позитивистской. Рационалистические теории постепенно вытесняются критическими [Agger, 1991; Polemics, 1994]. Общественная мысль, а за ней и мысль научная как бы деконструируют сами базовые социальные, политические и культурные институты Америки, стирают границы представлений об установленных нормах. Удачно применяется метод бинарных оппозиций, с помощью которого меняются местами привычные понятия и разрушаются иерархии устоявшихся ценностей и ориентиров: вместо промышленного развития – экологическая повестка, вместо плавильного тигля единой американской нации – этническое и гендерное разнообразие, вместо свободы – социальная ответственность и различные формы патернализма. Сама общественная жизнь США, по мнению некоторых критично настроенных экспертов, постепенно «деамериканизируется», а ее идеологическое наполнение теряет былую буржуазно-капиталистическую окраску [Травкина, Васильев, 2021].

Несомненно, что на таком фоне компас русистических исследований, долгое время указывавший американскому обществу направление движения, теперь оказывается сбитым, ведь и само это общество пока не демонстрирует стремления к четко намеченным целям будущего, как это было прежде. Пространство для широкой

дискуссии и даже ожесточенных споров вокруг образа желаемого завтра рикошетом отражается на русистике, которой так и не позволили стать «просто» академической дисциплиной. Она всё еще не потеряла свои политические оттенки, хотя и приобрела иную, нежели во времена СССР, направленность и заданность: Россия теперь чаще рассматривается как «затухающий центр силы», не способный опспорить глобальное лидерство США, но вполне готовый создать Вашингтону немало проблем на региональном уровне [Saradzhyan, Abdullaev, 2018; Kuchins, 2018]. Можно констатировать, что сегодня этот центр силы американская экспертиза относит к более общему списку международных проблем США, всё еще важных, но уже не попадающих в категорию стран исключительной значимости. В сложных внутренних противоречиях между различными группами американского политикума и социума в целом российский фактор всё чаще выступает скорее фоном, нежели самостоятельным и злободневным предметом дискуссии, в отличие, например, от Китая [China Studies... 2021]. Достаточно красноречиво об этом свидетельствует сокращение числа статей по российской проблематике в ведущих американских научных журналах, насчитывающих, по оценкам исследователя Л.Ла Нова, менее 1% от общего числа публикаций по страноведению, в то время как доля статей, посвященных КНР, составляет (для сравнения) 2,6% [La Nova, 2023].

Учитывая данное обстоятельство, можно отметить, что русистика уже не в состоянии эффективно «работать» на укрепление национальной консолидации, объединять верхи и низы вокруг звездно-полосатого знамени настолько же эффективно, насколько это делала советология в годы холодной войны. И если в далекие 1950-е годы эпохи Д. Эйзенхауэра или менее отдаленные

времена «консервативной революции» Р. Рейгана неизменной особенностью самовосприятия США оставалась твердая вера в собственную модель развития как реальную христианскую альтернативу «безбожному коммунизму» и его ценностям, готовность противодействовать им, то в наши дни подобная постановка задачи выглядела бы несколько необычно. Стандартный набор аргументов, который традиционно использовался американскими консерваторами в качестве острия критики пороков советского общества (коллективная ответственность, двойная мораль, цензура), сегодня отчасти может быть применим уже к американским реалиям. Такие общественные явления, как «позитивная дискриминация», «культура отмены», с трудом укладываются в нормативные рамки англо-саксонской протестантской этики, скорее, напоминая о далеко не самых свободных временах «развитого социализма», столь хорошо знакомых старшему поколению россиян.

В политологии, социологии и теории международных отношений, где ранее преобладал позитивизм, теперь господствуют гендерные, расовые или феминистические теории. Они оказывают влияние и на содержание русистики, постепенно уводя ее фокус с традиционных и привычных тем: войны и мира, стратегической стабильности и контроля над вооружениями – на новые, порой довольно маргинальные для прежней советологической, да и в целом страноведческой мысли, исследовательские поля: российскую имперскость и колониализм, роль раз-

личных меньшинств в российской политике и т. д. [Etkind, 2011; Rivkin-Fish, Hartblay, 2014; Essig, 1999; Zeigler, 2014]. Подобных исследований в США появляется всё больше, они включаются в дежурное меню различных конференций и иных научных мероприятий по проблемам современной России⁸. Всё чаще звучат призывы «деколонизировать» российские исследования [Kuzio, 2023], а в центр критики помещен уже не советский коммунизм, а «российский империализм» [Shaipov, Shaipova, 2023]⁹. Очевидно, что искать точки соприкосновения в российско-американском экспертном диалоге в таких реалиях становится всё сложнее. Специалисты по обе стороны океана нередко придерживаются не только разных методологических подходов, но и различных исследовательских парадигм, обитая как бы в «параллельных научных мирах». Наблюдается парадоксальная смена ролей: в то время как российские обществоведы многие годы пытались всячески отказать от ортодоксальных идеологических догм марксизма-ленинизма, ориентируясь на передовой (западный), преимущественно позитивистский методологический и теоретический инструментарий, их американские коллеги делали ровно противоположное – погружались в критические теории, часто левой направленности. С началом российско-украинского конфликта отдельные американские специалисты всё чаще призывают «освободить» русистику от оков научного позитивизма и эмпиризма, выйти за рамки так называемой революции достоверности, вер-

8 Примечательно, что деколонизация русистики была заявлена в качестве собирательной темы на 55-м ежегодном конвенте Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES), назначенном на декабрь 2023 г. в Филадельфии (Пенсильвания). См.: 2023 ASEEES Convention Theme. – URL: <https://www.aseees.org/convention/2023-aseees-convention-theme> (дата обращения: 17.08.2023).

9 Shaipov A, Shaipova Y. It's High Time to Decolonize Western Russia Studies // Foreign Policy. – 2023. – February 11. – URL: <https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russia-studies-war-ukraine-decolonize-imperialismwestern-academics-soviet-empire-eurasia-eastern-europe-university/> (дата обращения: 17.08.2023).

нувшись к проверенным и оправданным, с их точки зрения, междисциплинарным исследовательским подходам, известным еще со времен советологии [Lankina, 2023; Libman, 2023].

Очевидно, что следование по такому пути несет в себе риски размывания принципа ценностной нейтральности и возвращения в русистику идеологического компонента, который сократит возможности для научной дискуссии между различными исследовательскими группами по разные стороны Атлантики. Чем больше идеологизируется русистика, тем меньшую интеллектуальную открытость она демонстрирует и тем менее заметным становится интерес американского и российского исследовательских сообществ по отношению друг к другу. Подобный порядок вещей является очевидной новацией, учитывая, что даже во времена холодной войны гуманитарный диалог выносился за скобки политической конъюнктуры, будучи сфокусированным на долгосрочных целях работы американских исследователей с советской интеллигенцией. И если в период с середины 1950-х по середину 1980-х годов США посетили более 50 тыс. советских ученых, а планомерная интенсификация академических обменов, по мнению И. Ричмонда, способствовала запросу на перемены в СССР и началу перестройки [Richmond, 2005], то в наши дни американское научное сообщество, видимо, не испытывает особых иллюзий насчет продвижения в современной России «идей свободы через науку».

Университеты и исследовательские центры США теперь всё больше

предпочитают качество количеству, делая ставку на работу с отдельными российскими экспертами, а не организациями, которые всё чаще ассоциируются у них с государственным надзором и контролем. Правильность или ошибочность такого подхода сможет определить только время, но поводов для оптимизма становится всё меньше. Аргументация сторонников восстановления разрушенных связей пока что тонет в общем хоре голосов скептиков и даже откровенных «ястребов», хотя доводы последних всё же не лишены смысла: в конечном итоге необходимо признать, что потенциал влияния «мягкой силы» американского обществоведения на российские общественно-гуманитарные круги оказался весьма ограниченным, если не ничтожным. За 30 лет существования постсоветской России американские русисты систематически посещали ее, принимали участие в бесчисленном количестве конференций и круглых столов, работали над множеством научных проектов вместе с российскими коллегами. При всём этом они не смогли капитализировать эту деятельность, что можно было сделать, внося в перечень своих заслуг победу над «умами и сердца» узкой академической прослойки российских исследователей или более широкой общественности, остающейся в глухой обороне антиамериканизма [Волков, 2016]¹⁰. Впрочем, и в США, где соцопросы уже который год фиксируют рост антироссийских настроений, выраженная воля к диалогу также не просматривается¹¹. Как следствие, научное сообщество ни одной из двух стран не спешит углублять сотрудниче-

10 Согласно данным Левада-Центра, количество опрошенных респондентов, отрицательно относящихся к США, выросло с 42% в ноябре 2021 г. до 75% в мае 2022 г. См.: Волков Д.А. Российский антиамериканизм в зеркале опросов общественного мнения. Социодиггер. – 05.12.2022, Т. 3, вып. 12 (23). – URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/rossiiskii-antiamerikanizm-v-zerkaleoprosov-obshchestvennogo-mnenija> (дата обращения: 20.08.2023).

11 Saad L. Majority of Americans Now Consider Russia a Critical Threat // Gallup. – 2019. – February 17. – URL: <https://news.gallup.com/poll/247100/majorityamericans-consider-russia-critical-threat.aspx> (дата обращения: 24.08.2023).

ство. Происходит, скорее, противоположное – сотрудничество только сворачивается. Последовавшая после 24 февраля 2022 г. череда разрывов связей между научными и образовательными организациями России и США происходила по инициативе руководителей ряда ведущих американских университетов¹², а не вследствие вратисаний со стороны официальных властей (чего нельзя сказать о России)¹³.

Сворачивание объемов, количества и качества российско-американских научных контактов неизбежно окажет воздействие на дальнейший ход развития американской русистики. В отсутствие развитых внешних связей и возможностей для проведения полевых исследований она рискует стать более «домашней», а следовательно, менее эмпирической дисциплиной. Со временем также неизбежно обострятся вопросы о ее предмете, методе, организационных формах научной работы, ресурсного обеспечения, кадровой базы. По всей вероятности, ответы на эти вопросы будут во многом зависеть не только от того, по какой траектории будет двигаться Россия, но и от положения дел внутри самих США, их внутренней и внешней политики, состояния общества, экономики, науки и культуры.

Заключение

Дисциплина *Russian Studies* проделала долгий путь от некоей формы академического подвижничества до высокоорганизованной и широчайшей

по своему охвату научно-экспертной деятельности, хорошо институализированной, с надежным кругом доноров и потребителей «конечного продукта» в виде фундаментальных исследований и прикладной аналитики. Современная русистика аккумулирует в себе разнообразие исследовательских методологий и теоретических подходов, каждый из которых способствует всестороннему пониманию сложностей России как государства, общества и культуры. Исследовательский багаж знаний о ней, накопленный американскими русистами за многие годы, поистине огромен, но даже они не могут считаться исчерпывающими ввиду специфики самого объекта исследования.

Любая страна – это сложная социальная система, изучать которую можно только в динамике. К тому же обществоведению свойственны ценностные искажения, а порой и преднамеренная предвзятость исследователей, выполняющих тот или иной заказ. В конечном счете, как показывает пример советологии, исследование тех или иных феноменов общественно-политической жизни государства может опираться на солидный научный фундамент, но при этом преследовать вполне практические результаты – поиск у потенциального противника слабых мест с последующим на них воздействием. Сегодня, как и 100 лет назад, на русистику оказывают влияние множество факторов – от общего положения дел в российско-американских отношениях до сугубо внутренних социально-политических изменений в самом американ-

12 U. S. colleges are cutting their partnerships and financial ties with Russia // NPR. – 2023. – March 10. – URL: <https://www.npr.org/2022/03/10/1085792668/colleges-russia-ukraine> (дата обращения: 02.09.2023); Burakovskiy A. The War in Ukraine Ruins Russia's Academic Ties with the West // The Conversation. – 2022. – April 1. – URL: <https://theconversation.com/the-war-in-ukraine-ruins-russias-academic-ties-with-the-west-180006> (дата обращения: 12.08.2023).

13 Федеральным законом от 5 апреля 2021 г. № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» была запрещена образовательная деятельность, не одобренная уполномоченными органами, включая сотрудничество с зарубежными вузами. Закон требует согласовывать с Минобрнауки России любой договор с иностранными преподавателями, договоры на проведение международных конференций и др.

ском обществе. Политизация этой области страноведческих знаний всё еще более чем выражена, чтобы считать ее сугубо академической деятельностью, а следовательно, проблемы, составляющие круг ее исследовательского поиска, являются вполне актуальными, злободневными и требующими дальнейшего анализа.

Список литературы

Безбородов А.Б. Современная Россия и национальная безопасность США: (по официальным и экспертным документам США) // Зарубежное россиеведение / под ред. А.Б. Безбородова. – Москва : Проспект, 2015. – С. 397–411.

Большакова О.В. Поверх барьеров: Американская русистика после холодной войны: монография / отв. ред. З.Ю. Метлицкая. – Москва : ИНИОН РАН, 2013. – 238 с.

Волков Д. В. Динамика антиамериканских настроений в постсоветской России и основные характеристики антиамериканизма на сегодняшний день // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2016. – № 3–4. – С. 141–159.

Ершов К.Ю. Американское россиеведение: истоки, этапы развития и современное состояние // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Серия: Интеллектуальная история. – 2006. – Том 4, № 2. – С. 267–283.

Зенкевич И.В. А.К. Кулидж – популяризатор русистики в США // Язык и текст. – 2016. – Том 3. – № 3. – С. 78–85.

Зенкевич И.В. Состояние русистики в США в XXI веке: место русского языка в системе американского образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – Т. 184, № 7. – С. 117–123.

Кодин Е.В. Гарвардский проект. – Москва : РОССПЭН, 2003. – 207 с.

Лаптева Е.В. Американское россиеведение: стереотипы и мифы. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2004. – 143 с.

Меньковский В.И. Англо-американская советология: история, современность, академические ресурсы. – Минск : Экоперспектива, 2000. – 160 с.

Некрасов А.А. Становление и этапы развития западной советологии. – Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 2000. – 68 с.

Петров Е.В. История американского россиеведения : Курс лекций : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. спец. – Санкт-Петербург : Российская таможенная академия, Санкт-Петербургский филиал им. В.Б. Бобкова, 1998. – 214 с.

Травкина Н.М., Васильев В.С. Деамериканизация США: истоки и последствия // Перспективы. Электронный журнал. – 2021. – № 2–3. – С. 34–49. – URL: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/17f/2_3_2021_0_34_49.pdf (дата обращения: 05.08.2023).

Шабасова М.А. Основные парадигмы англо-американской историографии новейшей истории России (1991–2000 гг.) // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования : сборник научных статей / отв. ред. М.В. Друзин. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт истории РАН; Киев : Институт истории Украины НАН Украины; Минск : Белорусский гос. ун-т, 2008. – 682 с.

Agger B. Critical Theory, Poststructuralism, Postmodernism: Their Sociological Relevance. // *Annual Review of Sociology*. – 1991. – Vol. 17, N 3. – P. 105–131.

American Teaching About Russia / ed. by C.E. Black, J.M. Thomson, E. Cyril. – Bloomington : Indiana University Press, 1959. – 189 p.

Beyond Soviet Studies / ed. by D. Orlovsky. – Washington DC : Woodrow Wilson Center Press, 1995. – 349 p.

Bonnell V., Breslauer G. Soviet and Post-Soviet Area Studies. – Berkley : University of California, 1998. – 30 p. – URL: https://iseees.berkeley.edu/sites/default/files/1998_03-bonn.pdf (дата обращения: 08.08.2023).

China Studies in North America. A Report on Survey Research by the Luce // ACLS Advisory Group. – 2021. – URL: <https://www.acls.org/wpcontent/uploads/2021/12/China-Studies-in-North-American-Report.pdf> (дата обращения: 18.08.2023).

Cohen S. Scholarly Missions: Sovietology as a Vocation // Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. – New York : Oxford University Press. – P. 3–37.

Engerman D.C. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. – New York : Oxford University Press, 2009. – 459 p.

Essig L. Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other. – London : Duke University Press, 1999. – 244 p.

Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. – Cambridge : Polity, 2011. – 264 p.

Fitzpatrick S. Revisionism in Retrospect: A Personal View // Slavic Review. – 2008. – Vol. 67, N. 3. – P. 682–704.

Greene N. Advice's Effect: The Role of Western Advisors on Russian Privatization Policy / Honors Theses. – 2006. – N 2335. – URL: https://egrove.olemiss.edu/hon_theses/2335 (дата обращения: 15.08.2023).

Hanson S. Sovietology, Post-Sovietology, and the Study of Postcommunist Democratization // Demokratizatsiya. – 2003. – Vol. 11, N. 1. – P. 142–149.

Harris C D. Russian, Slavic, and Soviet Studies in the United States: Some Memories and Notes // Russian History. – 1997. – Vol. 24, N. 4. – P. 441–456.

Hough J., Fainsod M. How the Soviet Union is Governed. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1979. – 679 p.

Kautsky J.H. Communism and the Comparative Study of Development. //

Slavic Review. – 1998. – Vol. 26, N. 1. – P. 13–17.

Kuchins A. Russian Power under Putin: Up and Down and Flatline // Russia Matters. – 2018. – August 22. – URL: <https://www.russiamatters.org/analysis/russian-power-under-putin-and-down-and-flatline> (дата обращения: 16.08.2023).

Kuchins A., Mitchell J. The State of M.A. Russia / Eurasia Programs in the United States. Report Prepared for the Carnegie Corporation. – CERES, 2020. – URL: <https://ceres.georgetown.edu/2020/06/09/the-carnegie-report-a-study-on-marussia-eurasia-programs-in-the-usa/> (дата обращения: 12.08.2023).

Kuzio T. Crisis in Russian Studies? Nationalism (Imperialism), Racism and War. // E-International Relations. – 2020. – November 17. – URL: <https://www.eir.info/publication/crisis-in-russian-studies-nationalism-imperialism-racism-andwar/> (дата обращения: 07.09.2023).

Lankina T. Branching out or inwards? The logic of fractals in Russian studies // Post-Soviet Affairs Review – 2023. – Vol. 39, Issue 1–2. – P. 70–85.

La Lova L. Methods in Russian studies: overview of top political science, economics, and area studies journals // Post-Soviet Affairs Review. – 2023. – Vol. 39, Issue 1–2. – P. 27–37.

Libman A. Credibility revolution and the future of Russian studies // Post-Soviet Affairs Review. – 2023. – Vol. 39, Issue 1–2. – P. 60–69.

Markwick R.D. A Discipline in Transition?: From Sovietology to 'Transitology' // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 1996. – Vol. 12, N. 3. – P. 255–276.

Motyl A.J. Sovietology in One Country or Comparative Nationality Studies? // Slavic Review. – 1989. – Vol. 48, N. 1. – P. 83–88.

Polemics J. The Postmodernist Critique of Science: Is It Useful? // Journal of the

Elisha Mitchell Scientific Society. – 1994. – Vol. 110, N. 3/4. – P. 113–120.

Postcommunism and the Theory of Democracy / Anderson R.D., Jr., Fish M.S., Hanson S.E., Roeder Ph.G. – Princeton : Princeton University Press, 2002. – 224 p.

Raeff M. Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. – New York : Oxford, Oxford University Press, 1990. – 239 p.

Richmond Y. Cultural Exchange and the Cold War: How the West Won // The Polish Review. – 2005. – Vol. 50, N 3. – P. 355–360.

Rivkin-Fish M., Hartblay C. When Global LGBTQ Advocacy Became Entangled with New Cold War Sentiment: A Call for Examining Russian Queer Experience // Brown Journal of World Affairs. – 2014. – Vol. 21, N 1. – P. 95–111.

Sakwa R. Postcommunist studies: once again through the looking glass (darkly)? // Review of International Studies. – 1999. – Vol. 25, N 4. – P. 709–719.

Saradzhyan, S., Abdullaev N. Measuring National Power: Is Vladimir Putin's Russia in Decline? // Russia Matters. – 2018. – May 4. – URL: <https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/37363205/Measuring%20National%20Power.pdf?sequence=1&isAllowed=y>; (дата обращения: 12.08.2023).

Shaipov A, Shaipova Y. It's High Time to Decolonize Western Russia Studies // Foreign Policy. – 2023. – February 11. – URL: [\[eignpolicy.com/2023/02/11/russia-studies-war-ukraine-decolonize-imperialism-western-academics-soviet-empireeurasia-eastern-europe-university/\]\(https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russia-studies-war-ukraine-decolonize-imperialism-western-academics-soviet-empireeurasia-eastern-europe-university/\) \(дата обращения: 14.08.2023\).](https://for-</p></div><div data-bbox=)

Shlapentokh V. American Sovietology from 1917–1991: An Attempt at Diagnosis // Russian History. – 1995. – Vol. 22, N 4. – P. 406–432.

Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects / ed. by I.I. Kurilla, V.I. Zhuravleva. – Lanham, Maryland : Lexington Books, 2016. – 306 p.

Subtelny O. American Sovietology's great blunder: The marginalization of the nationality issue // Nationalities Papers. – 1994. – Vol. 22, N 1. – P. 141–155.

Tucker R.C. On the Comparative Study of Communism // World Politics. – 1967. – Vol. 19, N. 2. – P. 242–257.

Unger A.L. On the Meaning of “Sovietology” // Communist and Post-Communist Studies. – 1998. – Vol. 31, N 1. – P. 17–27.

Zeigler C. How We Blew It in Sochi: The LGBT Community Took a Shot at Anti-Gay Laws in Russia and Missed the Olympic-Sized Target // QED: A Journal in GLBTQ Worldmaking. – 2014. – Vol. 1, N 3. – P. 30–38.

Zweynert J. Shestidesyatniki Economics, the Idea of Convergence, and Perestroika // History of Political Economy. – 2019. – Vol. 51, issue S1. – P. 277–299.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.05

Russian Studies in the US: Past Experience and Today's Problems

Yuriy I. NADTOCHEY

PhD (History), Senior Researcher of Europe and America Department
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: ynadtochey@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8725-6495

CITATION: Nadtochey Yu.I. (2023). Russian Studies in the US: Past Experience and Today's Problems. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 5, pp. 72–93 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.05

Received: 23.09.2023.

Revised: 27.11.2023.

ABSTRACT. *Russian Studies as an established discipline has been continuously evolving for over a century, with American socio-political and area studies thought delving into various facets of the Russian reality. This article delves into the origins of Russian Studies in the United States, its unique methodological characteristics, and offers a periodization framework authored by the writer, highlighting the developmental phases of the discipline over the past century. It is worth noting that Russian Studies is an interdisciplinary field of academic endeavor, bringing together insights from diverse areas within the social and humanities sciences. The article also addresses the challenge of delineating the subject matter of this discipline and the development of research approaches for studying Russia, particularly within the historical context of the latter half of the 20th century. There is a specific focus on nurturing the growth of academic researchers and experts that specialize in Russian Studies and Sovietology. In this regard, the article posits the idea that Soviet Studies carries practical political-ideological and political-technological*

significance. It has emerged as a pivotal ideological force shaping public opinion and influencing the decision-making processes of American elites during the Cold War era. The article concludes by examining the contemporary challenges and prospects facing Russian Studies. It primarily concentrates on the present state of «Russian Studies», encompassing its theoretical underpinnings, empirical research, and ideological dimensions. This assessment occurs in the context of evolving public discourse about Russia within the United States and the considerable deterioration of U. S.-Russia relations.

KEYWORDS: *Russian studies, Sovietology, post-Soviet and postcommunist studies, US-Russia relations, Cold War, transitology, comparative studies, area studies, academic exchanges.*

References

Agger B. (1991). Critical Theory, Post-structuralism, Postmodernism: Their Sociological Relevance. *Annual Review of Sociology*. Vol. 17, no. 3, pp. 105–31.

- American Teaching... (1959). Black C.E., Thomson J.M. (eds.). *American Teaching About Russia*. Indiana University Press, Bloomington, 189 pp.
- Beyond... (1995). Orlovsky D. (ed.). *Beyond Soviet Studies*. Washington DC: Woodrow Wilson. Center Press, 349 pp.
- Bezborodov A.B. (2015). Modern Russia and the national security of the United States of America (based on official U.S. expert materials). In: Bezborodov A.B. (ed.). *Foreign Russian Studies: Textbook*. Moscow: Prospekt, pp. 397–411 (in Russian).
- Bolshakova O.V. (2013). *Beyond Barriers: American Russian Studies After the Cold War*: Monograph / Ed. by Z.Yu. Metlitskaya. – Moscow: INION RAN, 238 pp. (in Russian).
- Bonnell V., Breslauer G. (1998). *Soviet and Post-Soviet Area Studies*. Berkeley: University of California, 30 pp. Available at: https://iseees.berkeley.edu/sites/default/files/1998_03-bonn.pdf, accessed 08.08.2023.
- China Studies in North America* (2021). A report on survey research by the Luce / ACLS Advisory Group. Available at: <https://www.acls.org/wp-content/uploads/2021/12/China-Studies-in-North-American-Report.pdf>, accessed 16.06.2023.
- Cohen S. (1986). Scholarly Missions: Sovietology as a Vocation. In: *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917*. New York: Oxford University Press, 240 pp.
- Engerman D.C. (2009). *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. New York: Oxford University Press, 459 pp.
- Ershov K.Yu. (2006). Russian Studies in the USA: Origins, Evolution and Contemporary State. *Imagines Mundi: Almanac of Modern and Contemporary History of XVI–XX century. Intellectual History*. Vol. 4, no. 2, pp. 267–283 (in Russian).
- Essig L. (1999). *Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other*. London: Duke University Press, 244 pp.
- Etkind A. (2011). *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity, 264 pp.
- Fitzpatrick S. (2008). Revisionism in Retrospect: A Personal View. *Slavic Review*. Vol. 67, no. 3, pp. 682–704.
- Greene N. (2006). *Advice's Effect: The Role of Western Advisors on Russian Privatization Policy*. Honors Theses. 2335. Available at: https://egrove.olemiss.edu/hon_thesis/2335, accessed 16.06.2023.
- Hanson S. (2003). Sovietology, Post-Sovietology, and the Study of Postcommunist Democratization. *Demokratizatsiya*. Vol. 11, no. 3, pp. 142–149.
- Harris C.D. (1997). Russian, Slavic, and Soviet Studies in the United States: Some Memories and Notes. *Russian History*. Vol. 24, no. 4, pp. 441–56.
- Hough J., Fainsod M. (1979). *How the Soviet Union Is Governed*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 679 pp.
- Kautsky J.H. (1998). Communism and the Comparative Study of Development. *Slavic Review*. Vol. 26, no. 1, pp. 13–17.
- Kodin E.V. (2003). *Harvard Project*. Moscow: ROSSPAN Publ., 208 pp. (in Russian).
- Kuchins A. (2018). Russian Power Under Putin: Up and Down and Flatline. *Russia Matters*. August 22. Available at: <https://www.russiamatters.org/analysis/russian-power-under-putin-and-down-and-flatline>, accessed 16.08.2023.
- Kuchins A., Mitchell J. (2020). *The State of M.A. Russia/Eurasia Programs in the United States*. Report Prepared for the Carnegie Corporation. CERES. Available at: <https://ceres.georgetown.edu/2020/06/09/the-carnegie-report-a-study-on-ma-russia-eurasia-programs-in-the-usa/>, accessed 12.08.2023.
- Kuzio T. (2020). Crisis in Russian Studies? Nationalism (Imperialism), Racism and War. *E-International Relations*. No-

ember 17. Available at: <https://www.eir.info/publication/crisis-in-russian-studies-nationalism-imperialism-racism-and-war/>, accessed 07.09.2023.

Lankina T. (2023). Branching out or inwards? The logic of fractals in Russian studies. *Post-Soviet Affairs Review*. Vol. 39, issue 1–2, pp. 70–85.

La Lova L. (2023). Methods in Russian studies: overview of top political science, economics, and area studies journals. *Post-Soviet Affairs Review*. Vol. 39, issue 1–2, pp. 27–37.

Lapteva E.V. (2004). *American Russian Studies: Stereotypes and Myths*. Yekaterinburg: Ural Univ. press; Perm: Perm State Pedagogical Univ., 143 pp. (in Russian).

Libman A. (2023). Credibility revolution and the future of Russian studies. *Post-Soviet Affairs Review*. Vol. 39, issue 1–2, pp. 60–69.

Markwick R.D. (1996). A Discipline in Transition?: From Sovietology to ‘Transitology’. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 12, no. 3, pp. 255–276.

Menkovsky V.I. (2000). *Anglo-American Sovietology: History, Modernity, Academic Resources*. Minsk: Ecoperspective, 160 pp. (in Russian).

Motyl A.J. (1989). Sovietology in One Country or Comparative Nationality Studies? *Slavic Review*. Vol. 48, no. 1, pp. 83–88.

Nekrasov A.A. (2000). *Origins and Evolution of Western Sovietology*. Yaroslavl: Yarosl. state univ. press, 68 pp. (in Russian).

Petrov E.V. (1998). *History of American Russian Studies: Lecture Course*. St. Petersburg: Russian Customs Academy, 214 pp. (in Russian).

Polemics J. (1994). The Postmodernist Critique of Science: Is It Useful? *Journal of the Elisha Mitchell Scientific Society*. Vol. 110, no. 3/4, pp. 113–120.

Postcommunism... (2022). Anderson R.D., Hanson S.E., Roeder Ph.G. (eds.). *Postcommunism and the Theory of Democracy*. Princeton: Princeton University Press, 224 pp.

Raeff M. (1990). *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939*. New York – Oxford: Oxford University Press, 239 pp.

Richmond Y. (2005). Cultural Exchange and the Cold War: How the West Won. *The Polish Review*. Vol. 50, no. 3, pp. 355–360.

Rivkin-Fish M., Hartblay C. (2014). When Global LGBTQ Advocacy Became Entangled with New Cold War Sentiment: A Call for Examining Russian Queer Experience. *Brown Journal of World Affairs*. Vol. 21, no. 1, pp. 95–111.

Sakwa R. (1999). Postcommunist Studies: Once Again Through the Looking Glass (Darkly)? *Review of International Studies*. Vol. 25, no. 4, pp. 709–719.

Saradzhyan S., Abdullaev N. (2018). Measuring National Power: Is Vladimir Putin’s Russia in Decline? *Russia Matters*. May 4. Available at: <https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/37363205/Measuring%20National%20Power.pdf?sequence=1&isAllowed=y>; accessed 12.08.2023.

Shabasova M.A. (2008). The Main Paradigms of Anglo-American Historiography of Modern Russian History (1991–2000). In: Druzin M.V. (ed.). *Problems of Russian History: Sources, Historiography, Research*. Collection of Scientific Articles. St. Petersburg, Kiev, Minsk: St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; Institute of History of Ukraine NAS of Ukraine; Belarusian state university, 682 pp. (in Russian).

Shaipov A., Shaipova Y. (2023). It’s High Time to Decolonize Western Russia Studies. *Foreign Policy*. February 11. Available at: <https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russia-studies-war-ukraine-decolonizeimperialism-western-academics-soviet-empire-eurasia-eastern-europeuniversity/>, accessed 14.08.2023.

Shlapentokh V. (1995). American Sovietology from 1917–1991: An Attempt at

Diagnosis. *Russian History*. Vol. 22, no. 4, pp. 406–432.

Soviet Studies... (2016). Kurilla I.I., Zhuravleva V.I. (eds.) *Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects*. Lanham, Maryland: Lexington Books, 306 pp.

Subtelny O. (1994). American Sovietology's Great Blunder: The marginalization of the nationality issue. *Nationalities Papers*. Vol. 22, no. 1, pp. 141–155.

Travkina N.M., Vasil'ev. V.S. (2021). De-Americanization of the USA: Causes and Consequences. *Perspektivy. Electronic Journal*. No. 2/3. pp. 34–49. Available at: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/17f/2_3_2021_0_34_49.pdf, accessed 05.08.2023 (in Russian).

Tucker R.C. (1967). On the Comparative Study of Communism. *World Politics*. Vol. 19, no. 2, pp. 242–57.

Unger A.L. (1998). On the Meaning of "Sovietology". *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 31, no. 1, pp. 17–27.

Volkov D.V. (2016). The Dynamic of anti-American Sentiment in Post-Soviet Russia and the Main Characteristics of Current anti-Americanism. *The Russian Public Opinion Herald*. No. 3–4, pp. 141–159 (in Russian).

Zeigler C. (2014). How We Blew It in Sochi: The LGBT Community Took a Shot at Anti-Gay Laws in Russia and Missed the Olympic-Sized Target. *QED: A Journal in GLBTQ Worldmaking*. Vol. 1, no. 3, pp. 30–38.

Zenkevich I.V. (2016). Archibald Cary Coolidge: A Promoter of Russian Studies in the United States. *Yazyk i Text*. Vol. 3, no. 3, pp. 78–85 (in Russian).

Zenkevich I.V. (2017). Russian Studies in the USA in the XXI Century: The Russian Language in American Education. *Vestnik TGPU*. Vol. 184, no. 7, pp. 117–123 (in Russian).

Zweynert J. (2019). Shestidesyatniki Economics, the Idea of Convergence, and Perestroika. *History of Political Economy*. Vol. 51, issue S1, pp. 277–299.